

СОДЕРЖАНИЕ

УПРЯМСТВО ДУХА	9
----------------------	---

ПСИХОЛОГ В КОНЦЛАГЕРЕ

Неизвестный заключенный	17
-------------------------------	----

Активный и пассивный отбор	19
----------------------------------	----

Отчет заключенного № 119104.....	22
----------------------------------	----

ФАЗА ПЕРВАЯ: ПРИБЫТИЕ В ЛАГЕРЬ

Станция Аушвиц	29
----------------------	----

Первая селекция	34
-----------------------	----

Дезинфекция	38
-------------------	----

Что остается человеку: голое существование	41
---	----

Первые реакции	42
----------------------	----

«Броситься на проволоку»?	45
---------------------------------	----

ФАЗА ВТОРАЯ: ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ

Апатия.....	50
-------------	----

Что причиняло боль	55
--------------------------	----

Тяжесть презрения	57
-------------------------	----

Мечты заключенных	63
-------------------------	----

Голод	65
Сексуальность.....	70
Без всякой сентиментальности.....	71
Политика и религия	73
Спиритический сеанс.....	75
Уход в себя	76
Когда отнято все... ..	78
Медитации в канаве	82
Монолог на рассвете	84
Искусство в концлагере.....	86
Лагерный юмор	89
Мы завидуем арестантам	93
Счастье — это когда худшее обошло стороной.....	95
В сыпнотифозный лагерь?	98
Жажда одиночества.....	102
Судьба играет человеком	105
Последнее желание, выученное наизусть.....	109
План бегства	112
Раздражительность.....	122
Внутренняя свобода	127

Судьба — подарок.....	132
Анализ временного существования.....	136
Спиноза как воспитатель	142
Задать вопрос о смысле жизни	149
Страдание как подвиг	151
Ожидание	152
Слово, сказанное вовремя.....	154
Врачевание души.....	156
Психология лагерной охраны	160
ФАЗА ТРЕТЬЯ:	
ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ	166
«Отпустило...»	170
СИНХРОНИЗАЦИЯ В БИРКЕНВАЛЬДЕ	
Метафизическая конференция	176

УПРЯМСТВО ДУХА

*Эта книга принадлежит
к числу немногих величайших
человеческих творений.*

Карл Ясперс

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые,
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Ф. И. Тютчев

Перед вами великая книга великого человека.

Ее автор — не просто выдающийся ученый, хотя это так: по числу почетных ученых степеней, присужденных ему разными университетами мира, ему нет равных среди психологов и психиатров. Он не просто мировая знаменитость, хотя и с этим спорить трудно: 31 его книга переведена на несколько десятков языков, он объехал весь мир, и встречи с ним искали многие выдающиеся люди и сильные мира сего — от таких выдающихся философов, как Карл Ясперс и Мартин Хайдеггер, и до политических и религиозных лидеров,

включая папу Павла VI и Хиллари Клинтон. Не прошло и десятилетия после смерти Виктора Франкла, но мало кто станет оспаривать, что он оказался одним из величайших духовных учителей человечества в XX веке. Он не только построил психологическую теорию смысла и основанную на ней философию человека, он раскрыл глаза миллионам людей на возможности открыть смысл в собственной жизни.

Актуальность идей Виктора Франкла определяется уникальной встречей масштабной личности с обстоятельствами места, времени и образа действия, которые придали этим идеям столь громкий резонанс. Он умудрился прожить немало, и даты его жизни — 1905–1997 гг. — вобрали в себя XX век почти без остатка. Почти всю свою жизнь он прожил в Вене — в самом центре Европы, почти что в эпицентре нескольких революций и двух мировых войн и поблизости от линии фронта сорокалетней холодной войны. Он пережил их все, пережил в обоих смыслах этого слова, — не только оставшись в живых, но и претворив свои переживания в книги и публичные лекции. Виктор Франкл испытал на себе весь трагизм столетия.

Почти посередине через его жизнь проходит разлом, обозначенный датами 1942–1945. Это годы пребывания Франкла в нацистских концлагерях, нечеловеческого существования с мизерной вероятностью остаться в живых. Почти любой, кому посчастливилось выжить, счел бы наивысшим счастьем вычеркнуть эти годы из жизни и забыть их как страшный сон. Но Франкл еще накануне войны в основном завершил разработку своей теории стремления к смыслу как главной движущей силы поведения и развития личности. И в концлагере эта теория получила беспрецедентную проверку жизнью и подтверждение — наибольшие шансы выжить, по наблюдениям Франкла, имели не те, кто отличался наиболее крепким здоровьем, а те, кто отличался наиболее крепким духом, кто имел смысл, ради которого жить. Мало кого можно вспомнить в истории человечества, кто заплатил столь высокую цену за свои убеждения и чьи воззрения подверглись такой жестокой проверке. Виктор Франкл стоит в одном ряду с Сократом и Джордано Бруно, принявшим смерть за истину. Он тоже имел возмож-

ность избежать такой участи. Незадолго до ареста ему удалось, как и некоторым другим высококлассным профессионалам, получить визу на въезд в США, однако после долгих колебаний он решил остаться, чтобы поддержать своих престарелых родителей, у которых шанса уехать с ним не было.

У самого Франкла было ради чего жить: в концлагерь он взял с собой рукопись книги с первым вариантом учения о смысле, и его заботой было сначала попытаться сохранить ее, а затем, когда это не удалось, — восстановить утраченный текст. Кроме того, до самого освобождения он надеялся увидеть в живых свою жену, с которой он был разлучен в лагере, но этой надежде не суждено было сбыться — жена погибла, как и практически все его близкие. В том, что он сам выжил, сошлись и случайность, и закономерность. Случайность — что он не попал ни в одну из команд, направлявшихся на смерть, направлявшихся не по какой-то конкретной причине, а просто потому, что машину смерти нужно было кем-то питать. Закономерность — что он прошел через все это, сохранив себя, свою личность, свое «упрямство духа», как он называет способность человека не под-

даваться, не ломаться под ударами, обрушивающимися на тело и душу.

Выйдя в сорок пятом на свободу и узнав, что вся его семья погибла в горниле мировой войны, он не сломался и не ожесточился. В течение пяти лет он выпустил дюжину книг, в которых изложил свое уникальное философское учение, психологическую теорию личности и психотерапевтическую методологию, основанные на идее стремления человека к смыслу. Стремление к смыслу помогает человеку выжить, и оно же приводит к решению уйти из жизни, оно помогает вынести нечеловеческие условия концлагеря и выдержать тяжелое испытание славой, богатством и почетом. Виктор Франкл прошел и те и другие испытания и остался Человеком с большой буквы, проверив на себе действенность собственной теории и доказав, что в человека стоит верить. «Каждому времени требуется своя психотерапия», — писал он. Ему удалось нащупать тот нерв времени, тот запрос людей, который не находил ответа, — проблему смысла, — и на основе своего жизненного опыта найти простые, но вместе с тем жесткие и убедительные слова о главном. У этого

человека — редкий случай! — и хочется, и есть чему поучиться в наше время всеобщей относительности, неуважения к знаниям и равнодушия к авторитетам.

«Упрямство духа» — это его собственная формула. Дух упрям, вопреки страданиям, которые может испытывать тело, вопреки разладу, который может испытывать душа. Франкл ощутимо религиозен, но он избегает говорить об этом прямо, потому что он убежден: психолог и психотерапевт должны суметь понять любого человека и помочь ему вне зависимости от его веры или отсутствия таковой. Духовность не исчерпывается религиозностью. «В конце концов, — говорил он в своей московской лекции, — Богу, если он есть, важнее, хороший ли вы человек, чем то, верите вы в него или нет».

Первый вариант книги «Психолог в концлагере», составившей основу данного издания, был надиктован им за 9 дней, вскоре после освобождения, и вышел в 1946 году анонимно, без указания авторства. Первый трехтысячный тираж был распродан, но второе издание продавалось очень медленно. Гораздо больший успех имела эта книга

в Соединенных Штатах; первое ее английское издание появилось в 1959 году с предисловием авторитетнейшего Гордона Олпорта, роль которого в международном признании Франкла чрезвычайно велика. Эта книга оказалась нечувствительна к капризам интеллектуальной моды. Пять раз она объявлялась «книгой года» в США. За 30 с лишним лет она выдержала несколько десятков изданий общим тиражом свыше 9 миллионов экземпляров. Когда же в начале 1990-х годов в США по заказу Библиотеки Конгресса проводился общенациональный опрос с целью выяснить, какие книги сильнее всего повлияли на жизнь людей, американское издание книги Франкла, которую вы держите в руках, вошло в первую десятку!

Новое, наиболее полное немецкое издание главной книги Франкла под названием «И все же сказать жизни “Да”» вышло в 1977 году и с тех пор постоянно переиздается. В него была включена также философская пьеса Франкла «Синхронизация в Биркенвальде» — до этого она была опубликована только раз, в 1948 году, в литературном журнале под псевдонимом Габриэль Лион. В этой пьесе Франкл

находит иную, художественную форму для выражения своих главных философских идей — причем отнюдь не только в словах, которые произносит заключенный Франц, alter ego самого Франкла, но и в структуре сценического действия. С этого издания и сделан данный перевод. На русском языке ранее выходили сокращенные варианты повествования Франкла о концлагере, сделанные по другим изданиям. Полный его вариант публикуется на русском языке впервые.

В конце жизни Франкл дважды побывал в Москве, выступал в Московском университете. Он встретил чрезвычайно горячий прием. Его мысли легли на благодатную почву, и сегодня Франкл воспринимается в России скорее как свой, а не как чужестранец. Столь же теплый прием получили выходившие у нас ранее книги Франкла. Есть все основания надеяться, что и этому изданию суждена долгая жизнь.

Дмитрий Леонтьев,
доктор психологических наук

*Памяти
покойной матери*

ПСИХОЛОГ В КОНЦЛАГЕРЕ

Неизвестный заключенный

«Психолог в концлагере» — таков подзаголовок этой книги. Это рассказ больше о переживаниях, чем о реальных событиях. Цель книги — раскрыть, показать пережитое миллионами людей. Это концентрационный лагерь, увиденный «изнутри», с позиции человека, лично испытавшего все, о чем здесь будет рассказано. Причем речь пойдет не о тех глобальных ужасах концлагерей, о которых уже и без того много говорилось (ужасах столь невероятных, что в них даже не все и не везде поверили), а о тех бесконечных «малых» мучениях, которые заключенный испытывал каждый день. О том, как эта мучительная лагерная повседневность отражалась на душевном состоянии обычного, среднего заключенного.

Следует заранее сказать, что то, о чем будет здесь говориться, происходило преимуще-

щественно не в больших, широко известных лагерях, а в их филиалах, отделениях. Однако известно, что именно эти небольшие лагеря были лагерями уничтожения. Здесь будет рассказано не о страданиях и гибели героев и мучеников, а скорее о незаметных, безвестных жертвах концлагерей, о массах тихих, незаметных смертей.

Мы не станем касаться и того, что перенес и о чем рассказывал какой-нибудь заключенный, годами подвизавшийся в роли так называемого капо, то есть чего-то вроде лагерного полицейского, надсмотрщика, или иной привилегированный заключенный. Нет, речь идет об обычном, безвестном обитателе лагеря, на которого тот же капо смотрел с презрением, сверху вниз. В то время как этот безвестный жестоко голодал и погибал от истощения, у капо дела с питанием обстояли неплохо, подчас даже лучше, чем в течение всей его прежней жизни. Психологически, характерологически подобного капо можно скорее приравнять не к заключенному, а к СС, к лагерной охране. Это тип человека, сумевшего ассимилироваться, психологически слиться с эсэсовцами. Очень часто капо бывали даже жестче

лагерной охраны, причиняли обычным заключенным больше страданий, чем сами эсэсовцы, чаще били их. Впрочем, и назначались на роль капо только такие заключенные, которые были к этому пригодны; если же случайно попадался более порядочный человек, его тут же выбраковывали.

Активный и пассивный отбор

Человек посторонний и непосвященный, кто сам не был в лагере, как правило, вообще не в состоянии представить себе истинную картину лагерной жизни. Она может видеться ему в каких-то сентиментальных тонах, во флере тихой скорби. Он и не предполагает, что это была жестокая борьба за существование — даже между самими заключенными. Беспощадная борьба за ежедневный кусок хлеба, за самосохранение, за себя самого или за самых близких людей.

К примеру: формируется состав, который будто бы должен перевезти определенное число заключенных в какой-то другой лагерь. Но все опасаются, и не без оснований, что это — очередная «селекция», то есть уничтожение

слишком ослабевших и неспособных, и, значит, этот состав пойдет напрямик в газовые камеры и крематории, устроенные в центральных лагерях. И тут начинается борьба всех против всех. Каждый отчаянно бьется за то, чтобы не попасть в этот эшелон, уберечь от него своих близких, любыми способами старается ухитриться хоть в последний момент исчезнуть из списков отправляемых. И каждому абсолютно ясно, что если он на этот раз спасется, то на его месте в эшелоне должен будет оказаться кто-то другой. Ведь требуется определенное количество обреченных, из которых каждый представляет собой только номер, всего лишь номер! В списке к отправке стоят только номера.

Ведь сразу по прибытии, к примеру, в Аушвиц* у заключенного отбирают буквально все, и он, оставшись не только без малейшего имущества, но даже и без единого документа, может теперь назваться любым именем, присвоить себе любую специальность — возможность, которую при некоторых условиях удавалось использовать.

* В литературе на русском языке чаще встречается польское название этого лагеря — Освенцим. — *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru